

Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как «зеркало» системных проблем российского государства¹

Анатолий Евгеньевич Савченко,

кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО, Владивосток.

E-mail: savich21@mail.ru

Представленная статья даёт новый взгляд на дальневосточную политику сквозь аналитическую оптику государство-центрированного подхода. Новейшая история Дальнего Востока рассмотрена в рамках геополитической теории Р. Коллинза и теории инфраструктурной власти государства М. Манна. Теоретический анализ опыта развития Дальнего Востока показывает, что потенциал территории — это переменная, которая легко меняет «плюсы» на «минусы», а ожидаемые выгоды могут легко обернуться издержками. Активизация дальневосточной политики в ответ на ухудшение геополитических условий — это наиболее очевидная реакция государства, стремящегося увеличить свой потенциал за счёт доступа к новым ресурсам и рынкам. Более того, она может косвенно свидетельствовать о нарастании проблем с мобилизацией ресурсов и стремлении получить доступ к новым источникам дохода. Но теоретический анализ показывает, что это неверный «ответ», лишь усугубляющий кризис чрезмерного расширения. Любая модель «сплошного» развития региона влечёт за собой масштабные расходы, связанные с разработкой местных ресурсов и созданием сопутствующей инфраструктуры, с установлением эффективного контроля над местной бюрократией и участниками внешних обменов. Кроме этого, из проведённого исследования видно, что основные подходы к управлению регионом (как массивированные государственные инвестиции, так и меры по привлечению частного капитала) ведут к накоплению издержек. Известная цикличность дальневосточной политики может быть объяснена через описанный в статье механизм накопления издержек.

Ключевые слова: Дальний Восток, региональная политика, государство, геополитика, инфраструктурная власть, программы развития Дальнего Востока.

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, в рамках проекта № 16-27-22001 «Возможности и перспективы российско-китайского взаимодействия в контексте формирования „Экономического пояса шёлкового пути“ и новых инструментов развития Дальнего Востока России».

The Far East in the late 20th and early 21st centuries as reflection of systemic problems of the Russian state.

Anatolii Savchenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: savich21@mail.ru.

This article gives a new insight into the Far East policy through the analysis of the state-oriented approach. A contemporary history of the Far East is examined within the framework of R. Collins's geopolitical theory and M. Mann's theory of the infrastructural power of the state. The theoretical analysis of the development of the Far East demonstrates that the territory potential is a variable that changes "pluses" into "minuses", and expected benefits can easily turn into costs. The activation of the Far East policy in response to deterioration of geopolitical conditions is the most evident reaction of the state trying to increase its potential by the access to new resources and new markets. Moreover, it may indirectly indicate the accumulation of problems with resource deployment and the tendency to get access to new sources of revenue. The theoretical analysis shows that this is wrong and it leads to aggravation of the overexpansion crisis. Any model of "complete" development of the region involves extensive expenses related to the development of local resources and the creation of appropriate infrastructure, the establishment of effective control over local bureaucracy and participants of foreign exchanges. Furthermore, according to the research, it is clear that the main methods of region management (both public investments and measures for private capital attraction) lead to accumulation of costs. A well-known cyclicity of the Far East policy can be explained by the described mechanism of accumulation of costs.

Keywords: Far East, regional policy, state, geopolitics, infrastructural power, development programs of the Far East.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Во внимании государства к Дальнему Востоку нет и не было недостатка на протяжении всего рассматриваемого периода: он постоянно в фокусе российской региональной политики, но цели развития этого региона остаются недостижимы². Отсюда вырастает двойной вопрос: почему Россия *периодически пытается* интенсивно развивать этот регион, вкладывая сюда немалые ресурсы, и почему у неё *так мало успехов* на этом пути? Дать теоретически обоснованный ответ на этот вопрос — первая задача данной статьи. Вторая задача — протестировать используемые макроисторические теории на новом эмпирическом материале.

² Например, с 1991 по 1994 г. было принято 2 указа президента и 17 постановлений правительства по поддержке и развитию регионов Дальнего Востока. См.: [ГАРФ. Ф. 10121. Оп. 2. Д. 28. Л. 122, 123].

Статья выстроена следующим образом: сначала будет сформулирован теоретический каркас и обоснована целесообразность применения выбранных теорий, далее будет представлена интерпретация дальневосточной политики через геополитическую теорию. После этого мы выстроим объяснение дальневосточной политики через теорию инфраструктурной власти государства на примере трёх случаев: 1) реализации государственных программ развития Дальнего Востока; 2) попыток привлечения в регион иностранного капитала; 3) стремления задействовать локализованные на этой территории ресурсы. В заключение мы представим объяснение в целом невысокой эффективности дальневосточной политики последних трёх десятилетий.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вплоть до сегодняшнего дня исследования, связанные с российским Дальним Востоком, остаются большей частью вне теорий, хотя, как мы увидим ниже, теориям есть что сказать об этом регионе, а дальневосточная эмпирика полезна для увеличения их объяснительной силы. Анализ динамики и результатов дальневосточной политики последних 30 лет будет представлен на основе синтеза геополитической теории Р. Коллинза [8; 22] и концепции инфраструктурной власти государства М. Манна. Идеи Коллинза и Манна не только дополняют, но и усиливают друг друга³. Геополитическая теория больше сосредоточена на межгосударственной конкуренции (*внешние причины*), для участия в которой государству необходимы ресурсы. Концепция инфраструктурной власти, в свою очередь, показывает, при каких условиях возрастает или снижается способность государства обращать в свою пользу ресурсы, локализованные на подконтрольной ему территории (*внутренние причины*). Дальний Восток в силу своего географического расположения и природных богатств, которыми он располагает, является подходящим случаем объяснения динамики территориальной власти государства одновременно через внешние и внутренние причины.

Первые два принципа геополитической теории Р. Коллинза утверждают, что преимущество в размерах и ресурсах, а также окраинное положение (т.е. ситуация, при которой государство имеет мало потенциальных могущественных врагов по периметру своих границ) благоприятствуют росту государственной мощи и территориальной экспансии. Пятый же принцип говорит о том, что чрезмерное территориальное расширение и умножение числа врагов по периметру

³ Здесь уместно будет пояснить, что государство понимается нами в узком значении: как бюрократическая система по мобилизации и перераспределению ресурсов.

границ, рост издержек контроля над собственной территорией и над государствами-сателлитами приводят к ресурсному напряжению и государственному распаду⁴ [8, с. 82—87; 22, р. 1555—1559].

Мы можем видеть, что эти принципы — две стороны одной медали. Историческая макросоциология показывает критически важную связь между внешними/внутренними вызовами, стоящими перед государством и уровнем доступных ресурсов: чем этот уровень выше, тем эффективнее государство может отвечать на вызовы⁵. Это даёт основания предположить, что территория, будучи местом локализации разнообразных ресурсов, должна осознаваться государственной элитой как преимущество [29, р. 1613]. Что касается оборотной стороны этой медали, то грань, за которой преимущество в размерах и ресурсах оборачивается чрезмерным территориальным расширением, довольно тонкая, и её переход, скорее всего, незаметен для тех, кто принимает политические решения.

Концепция инфраструктурой власти, как признаёт сам М. Манн, может развиваться преимущественно за счёт внешних источников [31, р. 365]. Это вряд ли делает её вторичной по отношению к другим концепциям, скорее, наоборот, — придаёт ей способность синтезировать достижения разных направлений исследований. Политическая власть, согласно Манну, институализирует определённое пространство, что можно интерпретировать как создание системы регулирования жизнедеятельности на той или иной территории. Мы, в свою очередь, предполагаем, что эффективность этой институализации может быть интерпретирована как эффективность мобилизации и перераспределения государством территориально локализованных ресурсов [32, р. 502]. Иными словами, инфраструктурная власть государства понимается нами в значении, близком к «территориальной власти» Р. Коллинза. Если геополитика выступает первоначальным импульсом к действиям и провокатором внутриэлитных конфликтов в условиях дефицита ресурсов (подрывая территориальную власть государства), то эффективность этих действий и способность разрешать конфликты зависят уже от возможности государства концентрировать и перераспределять ресурсы, доводя их до места назначения; консолидировать бюрократию в центре и контролировать её на периферии, получать выгоду от рыночных обменов. Всё это мы и будем называть

⁴ В нашей статье мы взяли три принципа из пяти выведенных Коллинзом как наиболее подходящие к современной ситуации. Третьего принципа ещё коснёмся в этой работе, а четвёртый (утверждающий, что процессы накопления государственной мощи несколькими государствами периодически приводят к геополитическому упрощению и решающим войнам между государствами) относится к более долгосрочным трендам, чем рассматриваемая нами проблема.

⁵ См. подробнее: [22]

инфраструктурной властью государства. Обе теории, взятые вместе и протестированные на новом эмпирическом материале, позволят нам продвинуться в понимании динамики «территориальной власти» государства [19, с. 58—59]⁶. Эмпирический анализ этих широких макросоциологических концепций будет проведён на примере новейшей истории Дальнего Востока, представленной общедоступными материалами и архивными документами, а также данными полевых исследований автора⁷.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЯ

Российское пространство — это вызов в двух измерениях: во-первых, как источник внешнего давления одновременно на нескольких фронтах, во-вторых, как необходимость постоянного преодоления гигантских расстояний [25, р. 443—444]. Геополитическое напряжение, генерируемое Дальним Востоком, имеет два отчётливых контура — внешний и внутренний, которые мы и рассмотрим по порядку, оставаясь в рамках обозначенного в заглавии статьи хронологического периода.

Внешний контур — проблема «центрального» государства. Несмотря на то, что в 1980-х гг. основным соперником клонящегося к закату СССР был блок НАТО, а горячая точка противостояния была географически локализована в Афганистане, наиболее рискованное положение для страны складывалось в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На Дальнем Востоке, в отличие от западных рубежей, не удалось создать буфер, наподобие подконтрольных государств Восточной Европы⁸. Именно здесь был прямой выход на границы государств потенциальных противников. АТР был единственным регионом,

⁶ Удивительно, но теория Коллинза, превосходная во всех других отношениях, имеет два пробела. Во-первых, она сфокусирована на проблеме дефицита и перераспределения ресурсов, принимая текущий уровень экономической мощи государства как данность и оставаясь, по сути, «слепой» к проблеме мобилизации ресурсов и к возможностям использования новых источников дохода. Во-вторых, она, связывая коллапс государства с чрезмерным территориальным расширением, не объясняет, почему эта связь не работает в обратном направлении, т.е. почему с геополитическим сжатием государства не происходит пропорционального уменьшения тенденций к дезинтеграции. Здесь уместно напомнить, что Советский Союз распался на нисходящей стадии геополитического напряжения, в момент, возможно, наилучших за всю советскую историю отношений с США и окончания конфронтации с Китаем. См. подробнее: [19, с. 58—59].

⁷ Полевые исследования были проведены Савченко А.Е. совместно с Ивановым С.А. в рамках гранта РГНФ «Государство и китайский капитал на юге Дальнего востока России (1987—2013 гг.)» Проект № 14-31-01253.

⁸ Исключением была Монгольская Народная Республика, где СССР содержал крупную группировку войск.

откуда исходили территориальные претензии к Советскому Союзу, а границы Дальнего Востока не получили всеобщего международного признания⁹. Проигрывая странам НАТО по соотношению экономических и демографических ресурсов, на востоке СССР оказался перед лицом опасности создания единого пояса военного сдерживания: США — Япония — Республика Корея — КНР, контуры которого стали просматриваться в конце 1970-х гг. Об этом писали западные внешнеполитические аналитики, примерно о том же беспокоилось советское руководство [33, р. 716—717; 5, с. 25—26]. Кроме того, в АТР военная конкуренция была менее институализированной, чем в Европе, и риск «случайного» конфликта был и остаётся существенно выше¹⁰. Одновременное давление на европейском и восточноазиатском фланге (на фоне вялотекущей войны в Афганистане) делало Советский Союз классическим «срединным» государством, расплывшим свои ресурсы на нескольких геополитических направлениях одновременно.

После успеха «нового мышления» и распада СССР Россия на время сбросила с себя бремя глобальной геополитической конкуренции. Прилагая свою теорию уже к постсоветскому времени, Р. Коллинз отмечал, что страна вернулась в относительно благоприятную позицию окраинного государства, окружённого слабыми соседями. Правда, он делал одно исключение — Дальний Восток [24, р. 120]. Исторически нависая своей демографической мощью над малыми государствами Восточной Европы, теперь в АТР Россия сама превращалась в «малую» страну на фоне гиганта, КНР, и экономической сверхдержавы, Японии. Сжавшаяся до статуса региональной державы (в смысле тех ресурсов, которыми она располагала) страна оставалась глобальным игроком в силу своего географического положения и платила за это высокую цену [28, р. 92].

В настоящее время положение России в АТР выглядит в среднесрочном плане более благоприятным, чем на её западных и южных границах. Но в долгосрочной перспективе, в своём повороте на Восток, страна оказывается перед лицом тех же стратегических угроз, что и в Европе. Она всё ещё окружена здесь союзниками США, а наращивание американского военного потенциала в Южной Корее может иметь такой же эффект, как и создание системы противоракетной обороны в странах НАТО.

⁹ Речь идёт о неурегулированных территориальных вопросах с Японией (Курильские острова) и Китаем (проблема разграничения по р. Амур, которая была разрешена только в 2005 г.).

¹⁰ М.С. Горбачёв во время визита во Владивосток летом 1986 г. говорил следующее: «В Европе — плохо ли, хорошо ли — действует хельсинский процесс диалога, переговоров и соглашений. Это вносит какую-то стабильность, снижает вероятность вооружённых конфликтов. В регионе же, о котором идёт речь, этого нет или почти нет» [5, с. 25].

В начале XXI в. Россия вновь увеличивает своё геополитическое бремя, пытаясь принять участие в изменении миропорядка, создавая геополитический плацдарм в виде Евразийского экономического союза (теперь с опорой в большей мере на Среднюю Азию), прямо или опосредованно участвуя в конфликтах в Восточной Европе и на Ближнем Востоке в условиях падения доходов от экспорта сырья. Сомнительная опора на Китай — это на сегодня единственный барьер, отделяющий Россию от чёрной метки «срединного государства».

Внутренний контур — проблема чрезмерного территориального расширения. К концу существования СССР Дальний Восток был милитаризованным регионом, в промышленности которого доминировали военные заводы, чья продукция дублировала производство в европейской части страны. При этом за всю историю освоения здесь всё ещё не были обеспечены базовые условия жизнедеятельности: развитая транспортная сеть и энергетическая инфраструктура, достаточное производство продовольствия. Всё это определяло двойную и особую роль гигантских расстояний между этой удалённой территорией и европейской частью страны, между дальневосточными городами и посёлками, редкими «созвездиями» разбросанными по пространству, на котором могло бы разместиться 10 таких государств, как Франция.

Вне зависимости от уровня военных угроз в АТР Советскому Союзу, вступившему в стадию ресурсного перенапряжения, было всё тяжелее обеспечивать экономическое функционирование и социальное благосостояние этой территории. Масштабные программы развития и мегастройки, вроде Байкало-Амурской магистрали, только усиливали тренд чрезмерного расширения и ресурсного напряжения¹¹.

В 1990-е гг., когда вопрос выгод и издержек стал значимым для страны, во весь голос заявила о себе «деформированная экономическая география» [27, р. 15]. На Дальнем Востоке «всё оказалось расположенным в неправильном месте и делающим неправильные вещи» [34, р. 3]. Более того, всё оказалось в катастрофическом положении: от энергетики и оборонных предприятий «до обслуживания населения автобусными перевозками»¹². Не случайно в Послании Президента РФ 1999 г. Дальний Восток «прозвучал» как обширная дотационная территория, проблемы которой затрудняли проведение рыночных реформ во всей России [6].

¹¹ Байкало-Амурская магистраль оказалась самым дорогим инфраструктурным проектом, когда либо осуществлённым СССР в своих восточных районах, её стоимость составила 52 млрд долларов в ценах 2015 г. В середине 1990-х гг. БАМ приносил 120 млрд рублей убытков ежемесячно [ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 488. Л. 145]. См. подробнее: [15].

¹² Вывод сделан на основе изучения автором официальных документов в архивах Приморского и Хабаровского краёв, а также Амурской области. Текст в кавычках взят из [ГАХК Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 113. Л. 69].

В 2000-е гг. с ростом финансовых возможностей государства, вложения в регион быстро увеличились в 13,3 раза с 2002 по 2012 гг. [14]. При этом 80—90% всех инвестиций обеспечивали федеральный бюджет или тесно связанные с государством крупные сырьевые корпорации¹³. Ключевые вопросы развития Дальнего Востока рассматривались не в экономических ведомствах, а на заседаниях Совета безопасности, принимаемые решения также обосновывались соображениями долгосрочных интересов и внешнеполитического позиционирования, а не экономическими расчётами. Проведённые автором в ходе полевых исследований интервью показывают, что даже те чиновники, которые пришли управлять развитием Дальнего Востока из бизнеса, вынуждены рассуждать, обосновывая важность экономических проектов в этом регионе, в геополитических и стратегических терминах.

Проблема чрезмерного расширения не разрешилась, а лишь ушла в тень на фоне возросшего богатства государства.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК КАК ПРЕИМУЩЕСТВО В РАЗМЕРАХ И РЕСУРСАХ

На протяжении всего рассматриваемого периода российское руководство осознавало, что возможности, открывающиеся в Азии, упускаются из-за нерационального использования ресурсного и географического потенциала Дальнего Востока. Здесь, казалось бы, есть всё, чтобы облегчить бремя срединного государства и чрезмерного расширения: природные богатства и прямой выход на гигантский рынок их сбыта. СССР пытался задействовать эти преимущества с 1960-х гг., всё больше превращая Дальний Восток в сырьевой придаток Японии. Грандиозные проекты по освоению новых районов вдоль БАМа выглядят не такими уж бессмысленными, если иметь в виду серию соглашений между СССР и Японией о разработке и экспорте дальневосточных ресурсов [21, р. 134].

Современный поворот на Восток уже имел прецедент в недавней российской истории. В 1985—1986 гг., ещё до известной владивостокской речи М.С. Горбачёва, ознаменовавшей новую азиатско-тихоокеанскую политику [13], в Министерстве иностранных дел СССР готовились «резко активизировать свою внешнюю политику в Дальневосточном регионе» и настраивали местные власти на получение максимальной экономической отдачи от отношений с азиатскими странами [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 563. Л. 20, 21, Д. 323. Л. 1]. Но, повернувшись лицом к АТР, руководство страны быстро обнаружило,

¹³ Информация взята с официального сайта Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье». См. подробнее: [9].

что Советскому Союзу нечего предложить на этот рынок, кроме сырья и ограниченного перечня военных высокотехнологичных товаров. Путь к превращению Дальнего Востока из геополитического бремени в источник государственной мощи пролегал через масштабные финансовые вложения: в инфраструктуру, в строительство новых и модернизацию существующих предприятий.

Заканчивая с геополитическим объяснением дальневосточной политики последних 30 лет, мы можем сделать промежуточный вывод. Геополитическое напряжение, порождаемое этой территорией, не исчезало — оно транслировалось как во внутри- и внешнеполитический дискурс, так и в принимаемые государством экономические решения. При усилении государства на первый план выходил внешний контур геополитического напряжения, связанный с международной конкуренцией и позиционированием страны в АТР, при ослаблении — отчётливей выделялся внутренний контур, связанный с издержками контроля и обеспечения этой гигантской территории. В следующих разделах статьи мы увидим основные способы «ответа» государства на эти вызовы и постараемся объяснить, почему каждый из вариантов ответа оказывался в итоге неэффективным.

ТРИ ПУТИ К ОБРЫВУ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРСТВА

Дальний Восток предоставляет нам возможность протестировать инфраструктурную власть государства на примере трёх случаев. Каждый из них — это определённая форма дальневосточной политики и способ развития региона.

Случай первый — государственный патернализм 1987—1989/2006—2013 гг. (программный подход). В новейшей истории дальневосточной политики есть два периода, когда Москва пыталась обеспечить развитие региона путём специальных крупномасштабных программ развития. И в первом, и во втором периодах цели программ не были достигнуты, а сам подход оказывался дискредитированным. Вскоре после этого происходила радикальная смена дальневосточной политики: от государственного патронажа к опоре на частный капитал.

Программный подход базируется на предпосылке, что государство путём концентрации административных и финансовых усилий на приоритетных направлениях способно «расшить» узкие места и снять ограничения для экономического роста Дальнего Востока. Однако для того, чтобы такой подход сработал, необходимо совпадение разнообразных условий: должны быть правильно выбраны приоритеты, административный потенциал должен быть подчинён единой цели и неуязвим

для лоббизма частных интересов, а финансовые ресурсы — наличествовать в достаточном количестве. Реальный опыт говорит нам о том, что на Дальнем Востоке за редким исключением не удавалось достичь такого совпадения.

Геополитическая значимость и природные богатства региона были тем козырем, который позволил местным правителям убедить М.С. Горбачёва согласиться на масштабные государственные вложения в эту территорию¹⁴. Программа развития Дальнего Востока была принята в 1987 г. и подразумевала финансирование в 200 млрд руб. Но к 1987 г. СССР ещё не для всех заметно, но уже неуклонно погружался в бюджетный кризис, связанный с падением экспортных доходов из-за обвала мировых цен на нефть. Поступления от экспорта в капиталистические страны упали к 1988 г. почти на треть и продолжили сокращаться в следующем году [4, с. 215—216]. Резко вырос официальный дефицит бюджета: с 18 млрд руб. в среднем за 1981—1985 гг., до 92 млрд в 1989 г. В 1988 г. дефицит составлял гигантскую сумму в 12% ВВП [10, с. 267].

С первого года реализации программы стал явным дефицит ресурсов для выполнения запланированных задач. При этом взгляды разных уровней власти на то, кто несёт ответственность за провалы, не совпадали. Анализ переписки между центральными и региональными органами управления показывает быстро нарастающие противоречия по вопросу, кто и за счёт каких средств должен был обеспечивать реализацию мероприятий программы. Из регионов требовали централизованного финансирования, но в московских министерствах на эти претензии был свой ответ: резервы должны быть найдены за счёт лучшего использования уже имеющегося экономического потенциала на местах¹⁵. Иными словами, проблемы с реализацией

¹⁴ Речь здесь идёт о «Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г.», принятию которой предшествовало непубличное коллективное обращение первых секретарей Дальневосточных регионов лично к М.С. Горбачёву (который к тому времени едва успел вступить в должность Генерального секретаря). Ему, ещё не освоившемуся на новом месте, мало что оставалось, кроме как уступить этому давлению. Соответствующее письмо с резолюцией М.С. Горбачёва «Прошу рассмотреть предложение тт. Гагарова, Чёрного, Авраменко, Прокопьева и проработать вопрос о мерах по комплексному развитию Дальневосточного экономического района в 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. (с учётом его большой экономической и оборонной значимости)» было обнаружено автором в Государственном архиве Хабаровского края [ГАХК. Ф. 35. Оп. 112. Д. 175. Л. 46].

¹⁵ Вывод базируется на анализе архивных документов, в частности разнообразной переписки региональных органов власти Приморского, Хабаровского краёв и Амурской области с центральными министерствами и ведомствами в течение 1987—1990 гг. по проблемам выполнения принятой программы развития Дальнего Востока.

программы развития Дальнего Востока идеально ложатся на траекторию коллапса государства, показанную Р. Коллинзом: дефицит ресурсов спровоцировал внутриэлитный конфликт, который, в свою очередь, ускорил дезинтеграцию государства. Несомненно, сам бюджетный кризис был вызван более масштабными процессами, чем расходы на развитие восточных районов. Но провал программы был неотъемлемой частью этого кризиса, а дальневосточная бюрократия была в числе пострадавшей части советской элиты, чьими интересами Москва пожертвовала в период дефицита финансов.

Бесспорно, дальневосточная бюрократия находила средства для защиты своих позиций. Именно в рамках дискуссий о судьбе программы развития Дальнего Востока были заявлены требования местных элит о налоговых льготах для региона, большей автономии и создания Дальневосточной республики¹⁶. Два момента заслуживают здесь внимания:

- в нашем случае дезинтеграционную тенденцию порождала борьба за территориальное перераспределение ресурсов (эта борьба накладывалась на отмеченную Р. Коллинзом борьбу за их отраслевое перераспределение между сторонниками и противниками сокращения военных расходов);
- это были требования этнически русских элит, без малейших признаков того, что можно было бы идентифицировать как «национализм» (т.е., проецируя это на масштаб всего СССР, мы можем увидеть пересечение и взаимоусиление этнического и внутрибюрократического конфликтов).

Здесь мы видим пример взаимодополнения геополитического и инфраструктурного объяснения государственного коллапса. Описанная выше многомерная борьба парализовала государство: возможности мобилизовать в бюджет территориально локализованные ресурсы уменьшались катастрофически, а сфокусировать административные усилия на каком-то территориальном приоритете в этих условиях становилось невозможным. Слабость Москвы подтолкнула региональные власти к наращиванию политических и административных полномочий, а также к установлению контроля над теми ресурсами, которые имелись в пределах подведомственных территорий. Это проецировалось на уровень союзных республик, поскольку радикально ослабляло потенциал Центра в его противостоянии с республиками-элитами¹⁷.

¹⁶ В 1989 г. власти Приморского края выдвинули предложение «...выделить дальневосточный регион в отдельную автономную республику с административным центром в г. Владивостоке». Идея создания такой республики неоднократно всплывала в дискуссиях по поводу выполнения этой программы. [ГАПК. Ф-68. Оп. 117. Д. 831. Л. 13; 24, 65, ГАХК. Ф-35. Оп. 117. Д. 312. Л. 61; Д. 313. Л. 21].

¹⁷ Экономический аспект этого процесса был прекрасно описан Давидом Вудраффом. См.: [35, р. 62–73].

События 2006—2013 гг. изначально развивались по схожей траектории. На фоне возросших доходов от экспорта нефти дальневосточная политика наполнялась всё новыми проектами, незаметно перейдя рубеж 2008 г., когда экономический рост замедлился, а конкуренция за бюджетные ресурсы (на фоне популистских «майских указов» 2012 г.) стала возрастать¹⁸. Принятая в 2013 г. программа развития Дальнего Востока, будучи продуктом лоббизма региональных элит и крупных корпораций, включала экономически необоснованные идеи вроде моста с о. Сахалин на материк. Совершенно непонятно было, как обеспечить финансирование дальневосточной программы, в разы превосходившее расходы на все прочие действующие программы территориального развития вместе взятые и в 14 раз превышавшее долгосрочные расчётные возможности бюджета [18]. Вокруг дальневосточных проектов уже возник очаг внутриэлитного конфликта между недавно созданным Министерством по развитию Дальнего Востока и Министерством финансов, которое отказывалось согласовывать документ. Ситуация быстро политизировалась, а разрешилась публичной критикой правительства со стороны президента, отставкой министра по развитию Дальнего Востока и радикальной сменой концепции дальневосточной политики — переходом от гигантских программ развития, финансирувавшихся за счёт федерального бюджета, к мерам по созданию условий для привлечения иностранного и российского частного капитала.

В своём стремлении развивать Дальний Восток за счёт наращивания бюджетных вложений государство демонстрирует хроническую неспособность:

- противостоять напору региональных лоббистов — претендентов на долю бюджетного пирога;
- мобилизовать необходимые ресурсы для выполнения намеченного;
- согласовать интересы Москвы и регионов, эффективно разрешать противоречия центральных министерств и ведомств.

Государственные усилия то и дело оборачиваются какой-нибудь программой расширения БАМа, и без этого загруженного едва ли на половину от своей мощности, или скандалом с «Дальневосточным центром судоремонта и судостроения», деньги на строительство которого оказываются вложенными в недвижимость где-нибудь в Сингапуре¹⁹.

¹⁸ «Майские указы» — это 11 указов, подписанных президентом России Владимиром Путиным 7 мая 2012 г., в день вступления в должность президента. Эти документы среди прочего предписывали правительству и руководству нижестоящих уровней власти обеспечить значительное повышение зарплат работникам бюджетной сферы, рост расходов на социальную политику.

¹⁹ О мошенничестве при строительстве судовой верфи «Звезда» см. подробнее: [3]. Информация о загрузке Байкало-Амурской магистрали взята из полевых исследований автора (интервью автора в администрации г. Тынды 18 мая 2014 г.).

Программный подход в условиях инфраструктурно слабого государства по мере реализации накапливает издержки в виде экономически неоправданных проектов, роста запросов на всё новые вложения из государственного бюджета, возникновения внутриэлитных конфликтов. Дискредитация программного подхода — дело времени.

Случай второй — извилистые пути частного капитала. В истории с частным капиталом на Дальнем Востоке нам остаётся лишь внимательно присмотреться к тем процессам, которые в итоге и оставили Россию на обочине АТР.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. Дальний Восток оказался в ловушке среднего дохода. Регион был слишком развит и богат, чтобы конкурировать с соседним Китаем за привлечение иностранных инвестиций, но слишком бедным, чтобы динамично развиваться за счёт собственных ресурсов или же путём экономической экспансии в соседние страны. Созданные в советский период предприятия, устаревшие и энергоёмкие, требовали гигантских инвестиций для модернизации, но в условиях двух параллельных процессов: коллапса государства и его быстрого встраивания в мировую экономику — они «приглашали» скорее к разграблению и личному обогащению, чем к долгосрочным вложениям [30, р. 105]. Стоит добавить также, что экономические реформы начала 1990-х гг. оказали многомерное шоковое воздействие на предприятия: во-первых, более не гарантировалась закупка продукции; во-вторых, их лишили доступных кредитов для модернизации или переориентации производства; в-третьих, их поставили в условия конкуренции с заведомо более сильными иностранными производителями. В ситуации неопределённости и рыночной трансформации была начисто утрачена перспектива развития. Постсоветская элита в период хаотической трансформации экономики избрала единственно рациональную стратегию — извлечение ресурсов из государства, даже если это происходило под лозунгами защиты национальных интересов [26, р. 438].

Создание особых экономических зон, льготных режимов внешнеэкономической деятельности и совместных предприятий вело главным образом к растрате бюджетных кредитов (выделяемых на развитие инфраструктуры), эксплуатации созданного в советский период потенциала для личного обогащения отдельных людей и нелегальной продаже российского сырья за рубеж. В 1990-е гг. манипуляции с ценами, номенклатурой товаров, взаимными расчётами были повсеместными, а новый бизнес, как правило, начинался с лоббистских попыток получить налоговые льготы и освобождение от таможенных пошлин²⁰.

²⁰ Из материалов, подготовленных Высшим экономическим советом при Президиуме Верховного Совета Российской Федерации в 1993 г. мы узнаем, что по состоянию на 1 декабря 1992 г., «по учтённым данным, на валютные счета участников

Государство не имело инструментов контроля финансовых потоков в новой экономике. «Все научились работать бесприбыльно, рентабельность равна нулю. Всё в затратах», — грустно оправдывался перед московскими чиновниками хабаровский губернатор Виктор Ишаев в 1997 г. [ГАХК. Ф. Р-2061. Оп. 1. Д. 362. Л. 10]. В том же году в соседнем Приморском крае недоимка по некоторым видам налогов составляла около 100% [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 119]. Налоги «выбивались» разовыми акциями налоговой полиции, в ходе которых выплачивались малые проценты от миллиардных задолженностей [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 119]. В 1990-е гг. персонал нарождающихся силовых и контролирующих структур разрастался, как если бы государство вело внутреннюю войну [30, р. 186]. Но эта армия, как часто бывает с войсками ослабшего правителя, была склонна переходить на сторону более богатого «противника» — того, кого она должна была принуждать исполнять законы и платить налоги.

Государство не только не было способно собирать налоги, часто оно даже не могло проконтролировать, что и для какого рынка производится на совместном предприятии. В первой половине 1990-х гг. в Приморье работало много корейских предприятий по пошиву одежды — полупустые контейнеры отправлялись в Южную Корею, где происходила «дозагрузка» уже корейской продукцией, которая шла на экспорт в США под видом российской. Такие совместные предприятия существовали, чтобы «обходить» американские квоты на импорт из Кореи, и они стали повсеместно закрываться, когда российские и американские таможенные структуры научились выявлять и перекрывать каналы поставок.

Сегодня за высокими заборами, под вывеской «инновационных» и «высокотехнологичных» компаний работают китайские фабрики. Вы не сможете получить достоверную информацию, что и в каких количествах они производят, потому что на территорию вас не пустят, или в лучшем случае проведут не дальше административного офиса²¹.

внешнеэкономических связей от экспорта в страны дальнего зарубежья продукции и услуг поступило 9,2 млрд долларов США. Из этой суммы в Россию перечислено всего около 4 млрд долларов». Ресурсы экспортировались «десятками тысяч мелких предприятий по демпинговым ценам» [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 51. Л. 71—77]. В Амурской области экспорт производился по ценам на 30—40% ниже мирового уровня; при этом импорт приобретался по ценам, завышенным до 10 раз. [ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 6. Л. 143—144].

²¹ Это результаты полевых исследований Савченко А.Е. и Иванова С.А., в ходе которых были проведены интервью с представителями администрации территорий Приморского края, на которых работали такие предприятия. Ситуация не была единичной. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в 2015 г. даже полномочный представитель президента РФ не смог попасть на территорию одного из рыбных портов Приморья: его не пустили под предлогом обеспечения безопасности погрузочных работ. См. подробнее: [7]

В современных территориях опережающего развития и свободном порту Владивосток регистрируются большей частью проекты, которые были запланированы до принятия соответствующих законов. Первоначально эти территории были задуманы как площадки для развития новых экспортных производств, но постепенно идея расширилась и охватила проекты, которые государство уже долгое время пытается реализовать на Дальнем Востоке. В конечном счёте налоговые льготы были обещаны всем инвесторам, которые возьмут на себя обязательство вложить в Дальний Восток определённую сумму. Наиболее очевидный результат предоставляемых льгот — это размывание налоговой базы государства²². Другими словами, мы здесь снова видим уже знакомое нам накопление издержек, потому что различные акторы постоянно находят пути, чтобы деформировать государственную политику в своих интересах.

Случай третий — опора на собственные ресурсы. Кроме потенциального богатства, которое только обещает географическое положение, Дальний Восток имел и использовал реальные возможности для экспорта на миллиарды долларов. Оставим в стороне нефть и газ — специфические ресурсы, эксплуатация которых жёстко контролируется Москвой и требует гигантских инвестиций для обустройства месторождений. Лес и рыба — вот наиболее востребованные мировым рынком и не столь централизованные дальневосточные природные богатства²³.

На первый взгляд, трудно не удивиться тому, что в 1994 г. лесопромышленные предприятия Дальнего Востока, повсеместно ставшие акционерными обществами, были на грани банкротства, имели гигантские долги по налоговым платежам на фоне того, что экспорт леса из России за девять месяцев того же года составил 10% всей экспортной выручки страны [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 160. Л. 36]. Региональные власти в начале 1990-х гг. настойчиво засыпали Москву просьбами о налоговых льготах и финансовой поддержке лесной отрасли, в то время как лес продолжал идти на экспорт [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 82]. Лесная отрасль была и остаётся наиболее криминогенной

²² Об этом свидетельствует и явно пристрастный допрос, который устроил не так давно премьер-министр Д.А. Медведев Полномочному представителю президента РФ на Дальнем Востоке Юрию Трутневу на тему, какие именно инвесторы работают в территориях опережающего развития [17].

²³ Анализ третьего случая мы намеренно начинаем с 1990-х гг., оставляя в стороне советский период, когда экспортные операции и доходы от них были под жёстким контролем центральных органов власти. В 1990-е гг., напротив, экспорт дальневосточных ресурсов развивался в условиях «самой децентрализованной федерации мира». Таким образом, этот исторический опыт, а точнее его провальные результаты, побуждают провести ревизию широко распространённого мнения, что децентрализация — неперемное условие успешного развития России в целом и её дальневосточных территорий в особенности.

в сфере экспортных операций, в которой вплоть до сегодняшнего дня теневые потоки составляют 70—80% от оборота²⁴.

Главный индикатор ситуации с рыбой — разница в российской и иностранной статистике. Цифры здесь говорят сами за себя: по российским данным, в 1994 г. в Японию было экспортировано 61,4 тыс. т рыбы и морепродуктов на сумму 287,5 млн долл. США, по японским — 153,6 тыс. т на сумму 1024,8 млн долл. США. Полученная разница в 737,3 млн долл. показывает теневые объёмы торговли рыбой только в японском направлении [ГАПК. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 638. Л. 224]. Удивительно, но никакое укрепление государства не повлияло на эти потоки: в 2006—2010 гг. разница в оценке экспорта в Японию остаётся в пределах 800 млн — 1,2 млрд долл. Южнокорейские данные по импорту также превышают российскую экспортную статистику примерно на 300 млн долл. [2]. Вне всякого сомнения, это только видимая часть айсберга.

Последствия этого теневого экспорта простираются далеко за пределы проблем налогообложения. На протяжении многих лет дальневосточные рыбодобывающие компании экспортируют продукцию на миллиарды долларов, но при этом флот продолжает устаревать, местные судоремонтные заводы становятся банкротами и безнадежно отстают технологически, в то время как российские суда ремонтируются в Корее и Китае.

Фернан Бродель, обозревая ретроспективу продвижения России на Восток, писал о «русском гиганте», непрочно утвердившемся на своих окраинах, внешние обмены которого «были объектом нескончаемых манипуляций со стороны других» [1, с. 502]. Это утверждение полностью справедливо и для новейшего времени. Ситуация, при которой Дальний Восток, остро нуждаясь в капитале, теряет даже те богатства, что есть в его распоряжении, не может быть объяснена какой-то одной причиной. Напротив, это каскад причинно-следственных связей под общим сводом инфраструктурной слабости государства. Лес, как и рыба, — это те ресурсы, которые легко поддаются манипуляциям в отношении объёма и качества. Здесь необходима сложная система контроля на всём протяжении цепочки: от мест добычи и заготовки до пересечения границы²⁵. Государство со своей

²⁴ Полномочный представитель президента РФ в ДФО в 2008 г. называл цифру в 80%, говоря о нелегально заготовленной или вывезенной за границу древесине. В 2016 г. секретарь Совета Безопасности России представил не менее впечатляющую цифру — 70% остающегося в тени оборота от операций, связанных с лесом [11, 12].

²⁵ Речь идёт именно о природных ресурсах: лесе и рыбе, где сортность и, соответственно, экспортная цена широко варьируются и зависят от многих случайных факторов, что затрудняет внешний контроль. Это позволяет предположить, что развитие рыбных заводов и посаженного леса — одно из главных направлений в борьбе с нелегальным экспортом.

стороны может обеспечить лишь формальный и поверхностный контроль: разрешить или запретить, но не отследить каждый шаг тех, кто получил разрешение на добычу и экспорт. Сколько и какая именно порода леса или вид рыбы добываются, какого качества и по какой цене продаются — всё это ускользает от взора контролирующих органов. Вплоть до настоящего времени треть экспортируемой рыбы продаётся прямо в море — в районах промысла, с минимальным контролем [20]. На протяжении большей части рассматриваемого периода у государства не было технических средств, чтобы эффективно контролировать огромное пространство дальневосточной тайги и морской акватории. Не менее важно, что отсутствовала нормативно-правовая база для наказания браконьеров. Но ещё важнее, что те, кто делал капиталы на грабеже природных ресурсов, сами проникали на все уровни государственной власти или же имели там покровителей. Чем ещё объяснить, что закон, регулирующий рыбную ловлю в России, был принят только в 2004 г. — спустя восемь лет после того, как он был внесён в Государственную Думу? В конце 1997 г. советник президента РФ Н.Г. Малышев, говоря о «безобразиях» в рыбной отрасли, признавал, что там *«запутаны одни из самых высоких в прошлом людей государства»*. «И, — продолжал он, — *если говорить серьёзно, почему не проходят многие законодательные акты, причём очевидные, то зачем мы здесь рассказываем друг другу сказки?»* [ГАПК. Ф. Р-1694. Оп. 1. Д. 625. Л. 206.]

Похоже, что единственный способ решить проблему разграбления лесных и рыбных ресурсов, — это полный запрет на экспорт переработанной продукции. Однако это невозможно сделать без создания условий для развития переработки на Дальнем Востоке, которые подразумевают масштабные бюджетные затраты на снижение стоимости электроэнергии и транспортных перевозок (что опять же влечёт за собой гигантские расходы по строительству дорог, созданию энергетических мощностей и инфраструктуры).

На протяжении всего рассматриваемого периода приграничное положение Дальнего Востока в условиях инфраструктурно слабого государства выступало не потенциалом для развития, но напротив — дополнительным фактором накопления издержек, подстёгивающим развитие теневых внешних обменов; деиндустриализацию Дальнего Востока, структурные сдвиги его экономики с обрабатывающих секторов в сырьевые, прежде всего в наименее контролируемые сферы: лесное хозяйство и рыболовство [16, с. 77—89].

Приграничные обмены, бурно развивавшиеся в 1990-е гг., помогли выжить людям в трудные времена, но они не заложили фундамента для долгосрочного развития. Тысячи мелких предпринимателей едва

обеспечивали себе элементарный уровень существования. Отдельные же люди, взявшие под контроль трансграничные торговые потоки, делали себе миллиардные состояния и вошли в политическую элиту дальневосточных регионов. Однако эти частные истории успеха предпринимателей никак не соотносились с развитием территории, на которой процветал их бизнес.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История Дальнего Востока — региона, который был как фактором ресурсного напряжения, так и потенциальным источником новых ресурсов, — показывает нам возможность интеграции геополитической теории и концепции инфраструктурной власти государства.

Из опыта государственных распадов известно, что действия власти в ответ на кризис успешны лишь в том случае, если направлены на его ключевые причины [22, р. 577]. Активизация дальневосточной политики в ответ на ухудшение геополитических условий — это наиболее очевидная реакция государства, стремящегося увеличить свой потенциал за счёт доступа к новым ресурсам и рынкам. Более того, такая политика обычно опирается на гранд-стратегии (от «нового мышления» и «возвращения в цивилизованный мир» времён Михаила Горбачёва до «поворота на Восток» Владимира Путина). Так создаётся интеллектуальная и идеологическая основа для непропорционально большого веса этой территории в региональной политике Москвы.

Ни один президент или политик, претендующий на широкую поддержку, не может позволить себе сказать, что Дальний Восток «не важен». Наоборот, он «чрезвычайно важен» и «требует» масштабных решений, потому что он геополитически уязвим и имеет большие перспективы на пути интеграции в АТР; потому что он богат ресурсами и соседние державы проявляют к нему реальный или мнимый интерес; потому что местные губернаторы часто неподконтрольны Москве; и наконец потому, что он периодически оказывается в «катастрофическом положении». Эти аргументы неотразимы. В разные периоды времени тот или иной из этих аргументов выходил на первый план, выступая обоснованием для принятия программ развития, для выделения дополнительных средств из федерального бюджета, для дорогостоящих имиджевых проектов. Любой политик, рассуждающий о проблемах Дальнего Востока и перспективах их решения, примеряет на себя почётную роль стратега и исторического государственного деятеля, заглядывающего за горизонт.

Но наличие богатой ресурсами территории, даже с таким добавочным условием, как близость к рынкам их сбыта, является лишь гипотетическим преимуществом. Главным же условием, реализующим это преимущество, выступает способность государства контролировать местных носителей власти, получать выгоду от внешних обменов, эффективно распоряжаться ресурсами для инфраструктурного обустройства территории, обеспечивать национальным компаниям недискриминационный доступ на рынки других государств.

Более того, сама активизация дальневосточной политики может косвенно свидетельствовать о нарастании проблем с мобилизацией ресурсов и стремлением получить доступ к новым источникам дохода. Но теоретический анализ показывает нам, что это *неверный ответ*, лишь усугубляющий кризис чрезмерного расширения. Наиболее явный результат стремления получить дополнительные ресурсы или существенно облегчить бремя расходов на Дальний Восток состоит в увеличении издержек. Амбивалентность чрезмерного расширения, выраженная в почти невидимой для современников грани между издержками контроля и преимуществами доступа к новым ресурсам, видится нам одним из основных объяснений цикличности новейшей истории Дальнего Востока.

Однако в этом пункте мы подходим к ответу и на более общий вопрос: почему в истории мы не знаем примеров упреждающего и подконтрольного геополитического сжатия государств в ответ на кризис чрезмерного расширения? Один из ответов состоит в том, что преодоление этого кризиса видится властвующим современникам в дальнейшей экспансии. Это не обязательно экспансия в прямом смысле слова, подразумевающая захват новых территорий. В нашем случае это, скорее, установление более жёсткого контроля над уже имеющимися у государства территориями за счёт более интенсивной эксплуатации их ресурсов. Но этот, казалось бы, очевидный шаг влечёт за собой масштабные расходы, связанные с разработкой местных ресурсов и созданием сопутствующей инфраструктуры, с установлением эффективного контроля над местной бюрократией и участниками внешних обменов. В итоге лишь углубляются те проблемы, которые государственная элита намеревалась решить.

Геополитическое перенапряжение, дефицит ресурсов и внутриэлитный конфликт радикально уменьшают возможности центральной власти извлекать выгоду даже из богатой территории. Фактически её ресурсы перестают быть «ресурсами» в глазах государственной элиты, потому что они в лучшем случае ускользают из её рук, в худшем — превращаются в издержки и «работают» в пользу других государств или же конкурирующих элитных групп.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Весь Мир, 2007. 752 с.
2. В 2010 г. неучтённый доход от экспорта рыбы с Дальнего Востока в Японию составил 800 млн долл. // REGNUM.RU: информационное агентство REGNUM. URL: <http://regnum.ru/news/1382294.html> (дата обращения: 30.03.2016).
3. «В любом случае Игорь Борбот будет арестован на территории России» // KOMMERSANT.RU: сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <http://kommersant.ru/doc/2983436> (дата обращения: 02.09.2016).
4. Гайдар Е.Г. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007. 448 с.
5. Горбачёв М.С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Изд-во политической литературы. 1987. 511 с.
6. Ельцин Б.Н. Послание Президента Федеральному Собранию РФ «Россия на рубеже эпох», 1999 г. // INTELROS.ORG: сайт проекта «ИНТЕЛРОС — Интеллектуальная Россия». URL: <http://www.intelros.org/lib/elzin/1999/html> (дата обращения: 06.03.2016).
7. «В ручном режиме приходится заниматься каждым проектом». Интервью заместителя председателя Правительства РФ — полномочного представителя президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Юрия Трутнева газете «Ведомости» // VEDOMOSTI.RU: электронное периодическое издание «Ведомости». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2016/01/20/624699-ruchnom-rezhime-prihoditsya-zanimatsya-kazhdim-proektom> (дата обращения: 22.11.2017).
8. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: URSS, 2015. 504 с.
9. Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия «Дальний Восток и Забайкалье» // ASSOC.FAREAST.RU: официальный сайт ассоциации. URL: <http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/realizac.htm> (дата обращения: 09.03.2017).
10. Меньшиков С. Советская экономика: катастрофа или катарсис? М.: Интер-Версо, 1990. 400 с.
11. Сафонов О. Ответ лесной мафии. Российская газета. 07.04.2009 // RG.RU: интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://rg.ru/2009/04/07/safonov.html> (дата обращения: 15.01.2016).
12. Патрушев нашёл теневые схемы. В лесу Дальнего Востока // KONKURENT.RU: сайт делового еженедельника «Конкурент». URL: <http://konkurent.ru/politika/991-patrushev-nashel-tenevye-shemy-v-lesu-dalnego-vostoka.html> (дата обращения: 21.04.2016).
13. Перестройка неотложна, она касается всех и во всём: сборник материалов о поездке М.С. Горбачёва на Дальний Восток, 25—31 июля 1986 г. М.: Политиздат, 1986. 93 с.
14. Попов А., Чернышов С. Мёртвый Восток // EXPERT.RU: информационный портал «Эксперт-онлайн». URL: <http://expert.ru/expert/2013/31/mertvyiy-vostok/> (дата обращения: 02.09.2016).
15. Расследование РБК: кто, как и зачем строит БАМ? // RBC.RU: сайт информационного агентства «РБК» <http://www.rbc.ru/magazine/2016/03/56cdd4199a79478601346800> (дата обращения: 26.04.2016).
16. Рыжова Н.П. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2013. 352 с.

17. Совещание с вице-премьерами. 28 марта 2016 // GOVERNMENT.RU: сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/news/22316/> (дата обращения: 29.03.2016).
18. Стенограмма заседания Правительства РФ 02 апреля 2013 г. // GOVERNMENT.RU: сайт Правительства России. URL: <http://archive.government.ru/docs/23437/print/> (дата обращения: 02.09.2016).
19. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: ЛКИ, 2007. 368 с.
20. Экспорт российской рыбы Дальнего Востока «прикрыли» статистикой // FISHNET.RU: сайт электронного периодического издания «Fishnet.ru» URL: http://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/49936.html (дата обращения: 30.03.2016).
21. Bradshaw M. Russian transnational energy companies. Conflict and cooperation in Pacific Russia. In “Russian Business Power The role of Russian business in foreign and security relations” / ed. by Andreas Wenger, Jeronim Perovic, and Robert W. Ortung. London: Routledge, 2006, P. 133–154.
22. Collins R. Explaining the anti-Soviet revolutions by the breakdown theory and geopolitical theory // *International Politics*. 2011. № 48. P. 575–590.
23. Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // *American Journal of Sociology*. Vol. 100. № 6. 1995. P. 1552–1593.
24. Collins R., Waller D.V. The Geopolitics of Ethnic Mobilization: Some Theoretical Projections for the Old Soviet Bloc // *Legacies of the Collapse of Marxism* / ed. by Moore J.H. Fairfax: University Press of America, 1994. P. 107–132.
25. Dienes L. Reflections on a Geographic Dichotomy: Archipelago Russia // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. № 6. P. 443–458.
26. Ganev V. Post-communism as an episode of state building: A reversed Tillyan perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. № 38 (2005). P. 425–445.
27. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2003. 303 p.
28. Kerr D. Dilemmas of the ‘Middle Continent’: Russian Strategy for Eastern Eurasia // *The International Spectator*. Vol. 44. № 2. 2009. June. P. 75–94.
29. Kiser E. What can sociological theories predict? Comment on Collins, Kuran, and Tilly // *American Journal of Sociology*. Vol. 100. № 6. 1995. May. P. 1611–1615.
30. Kotkin S. *Armageddon Averted. The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 304 p.
31. Mann M. Infrastructural Power Revisited // *Studies in Comparative International Development*. 2008. № 43. P. 355–365.
32. Mann M. The Sources of My Sources // *Contemporary Sociology*. Vol. 42. № 4. 2013. July. P. 499–502.
33. Scalapino R. Asia at the end of the 1970^s. *Foreign Affairs*. Vol. 58. № 3. 1979. P. 693–737.
34. Thronton J. Institutional and Structural Change in Pacific Russia // *Comparative Economic Studies*. Vol. XLIII. № 4 (Winter 2001). P. 1–8.
35. Woodruff D. *Money unmade: barter and the fate of Russian capitalism*. New York: Cornell University Press, 1998. 228 p.
36. ГААО (Гос. арх. Амурской области)
37. ГАПК (Гос. арх. Приморского края)
38. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации)
39. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края)

REFERENCES

1. Brodel' F. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv. T. 3. Vremja mira* [Materialistic civilization, economics and capitalism. 15th—18th centuries. Vol. 3. Time for peace]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2007, 502 p. (In Russ.)
2. *V 2010 g. neuchtjonnyj dohod ot jeksporta ryby s Dal'nego Vostoka v Japoniju sostavil 800 mln doll.* [The undocumented income from fish export from the Far East to Japan was 800 million U.S. dollars in 2010]. Available at: <http://regnum.ru/news/1382294.html> (accessed 30.03.2016). (In Russ.)
3. «*V ljubom sluchae Igor' Borbot budet arestovan na territorii Rossii*» [“Anyway, Igor Borbot will be arrested on the territory of Russia”]. Available at: <http://kommersant.ru/doc/2983436>, (accessed 02.09.2016). (In Russ.)
4. Gajdar E.G. *Gibel' imperii. Uroki dlja sovremennoj Rossii* [The fall of the empire. The lessons for modern Russia]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2007, 448 p. (In Russ.)
5. Gorbachjov M.S. *Izbrannye rechi i stat'i. T. 4.* [Selected Speeches and papers. Vol. 4]. Moscow, Political Literature publishing Publ., 1987, 511 p. (In Russ.)
6. El'cin B.N. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju RF «Rossija na rubezhe jepoh», 1999 g.* [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation “Russia at the turn of epochs”, 1999]. Available at: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html, (accessed 06.03.2016). (In Russ.)
7. *Interv'ju zamestitelja Predsedatelja Pravitel'stva RF — polnomochnogo predstavitelja Prezidenta RF v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Jurija Trutneva gazete «Vedomosti»* [An interview in “Vedomosti” with Igor Trutnev, Deputy Prime Minister of the Russian Federation and Presidential Plenipotentiary Envoy to the Far Eastern Federal District]. Available at: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=44&oid=5185> (accessed: 30.03.2016). (In Russ.)
8. Collins R. *Macrohistory: essays in sociology of the long run* [Macrohistory: Essays in sociology of long duration]. Moscow, URSS Publ., 2015, 504 p.
9. *Mezhregional'naja asociacija jekonomicheskogo vzaimodejstvija «Dal'nij Vostok i Zabajkal'e»* [Transregional association of economic cooperation “Far East and Zabaikalye”]. Available at: <http://assoc.khv.gov.ru/fcp-implementation> (accessed 09.03.2017). (In Russ.)
10. Men'shikov S. *Sovetskaja jekonomika: katastrofa ili katarsis?* [Soviet economics: Catastrophe or Catharsis?]. Moscow, Inter-Verso Publ., 1990, 267 p. (In Russ.)
11. Safonov O. *Otvjet lesnoj mafii* [Response to forest mafia]. Available at: <http://rg.ru/2009/04/07/safonov.html> (accessed 15.01.2016). (In Russ.)
12. *Patrushev nashjol tenevye shemy. V lesu Dal'nego Vostoka* [Patrushev found shadow schemes. In the forest of the Far East]. Available at: <http://konkurent.ru/politika/991-patrushev-nashel-tenevye-shemy-v-lesu-dalnego-vostoka.html> (accessed 21.04.2016). (In Russ.)
13. *Perestrojka neotlozhna, ona kasaetsja vseh i vo vsjom: Sbornik materialov o poezdke M.S. Gorbachjova na Dal'nij Vostok, 25—31 ijulja 1986 g.* [Perestroika is urgent, it concerns everyone and everything: sourcebook about Gorbachev's trip to the Far East]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 93 p. (In Russ.)
14. Popov A., Chernishev S. *Mjortvyj Vostok* [Dead East]. Available at: http://expert.ru/expert/2013/31/mertvyj_vostok/ (accessed 09.02.2016). (In Russ.)

15. Rassledovanie RBK: kto, kak i zachem stroit BAM? [RBC's investigation: Construction of the BAM: Who, how and why?]. Available at: <http://www.rbc.ru/magazine/2016/03/56cdd4199a79478601346800> (accessed 26.04.2016). (In Russ.)
16. Ryzhova N.P. *Jekonomicheskaja integracija prigranichnyh regionov* [Economic integration of cross-border regions]. Habarovsk: IJel DVO RAN Publ., 2013, 352 p. (In Russ.)
17. *Soveshhanie s vice-prem'erami. 28 marta 2016.* [The meeting with Vice Prime Ministers, 28 March, 2016]. Available at: <http://government.ru/news/22316/> (accessed 29.03.2016). (In Russ.)
18. *Stenogramma zasedanija Pravitel'stva RF 02 aprelja 2013 g.* [A verbatim report of the Government session, 2 April, 2013]. Available at: <http://archive.government.ru/docs/23437/print/>. (accessed 02.09.2016). (In Russ.)
19. Turchin P. *Istoricheskaja dinamika. Na puti k teoreticheskoj istorii* [Historical dynamics. On the way to theoretical history]. Moscow, LKI Publ., 2007, 368 p. (In Russ.)
20. *Jeksport rossijskoj ryby Dal'nego Vostoka «prikryli» statistikoj* [Export of fish in the Russian Far East is "covered" by statistics]. Available at: http://www.fishnet.ru/news/novosti_otrasli/49936.html (accessed 30.03.2016). (In Russ.)
21. Bradshaw M. *Russian transnational energy companies. Conflict and cooperation in Pacific Russia*, in "Russian Business Power The role of Russian business in foreign and security relations" / ed. by Andreas Wenger, Jeronim Perovic, and Robert W. Ortung, London, Routledge Publ., 2006, pp. 133–154. (In Eng.)
22. Collins R. *Explaining the anti-Soviet revolutions by the state breakdown theory and geopolitical theory.* International Politics, 2011, no. 48, pp. 575–590. (In Eng.)
23. Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse. *American Journal of Sociology*, 1995, no. 6, vol. 100, pp. 1552–1593. (In Eng.)
24. Collins R., Waller D.V. The Geopolitics of Ethnic Mobilization: Some Theoretical Projections for the Old Soviet Bloc. *Legacies of the Collapse of Marxism* / ed. by Moore J.H. Fairfax, University Press of America Publ., 1994, pp. 107–132. (In Eng.)
25. Dienes L. Reflections on a Geographic Dichotomy: Archipelago Russia. *Eurasian Geography and Economics*, 2002, no. 6, vol. 43, pp. 443–458. (In Eng.)
26. Ganev V. Post-communism as an episode of state building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, no. 38, pp. 425–445. (In Eng.)
27. Hill F., Gaddy C. *The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold.* Washington D.C., Brookings Institution Press Publ., 2003, 303 p. (In Eng.)
28. Kerr D. Dilemas of the 'Middle Continent': Russian Strategy for Eastern Eurasia. *The International Spectator*, June 2009, vol. 44, no. 2, pp. 75–94. (In Eng.)
29. Kiser E. *What can sociological theories predict?* Comment on Collins, Kuran, and Tilly. *American Journal of Sociology* (May, 1995), vol. 100, no. 6, pp. 1611–1615. (In Eng.)
30. Kotkin S. *Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970–2000.* Oxford, Oxford University Press Publ., 2008, 280 p. (In Eng.)
31. Mann M. Infrastructural Power Revisited. *Studies in Comparative International Development*, 2008, no. 43, pp. 355–365. (In Eng.)
32. Mann M. The Sources of My Sources. *Contemporary Sociology*, vol. 42, no. 4, July 2013, pp. 499–502. (In Eng.)
33. Scalapino R. Asia at the end of the 1970^s. *Foreign Affairs*, vol. 58, no. 3, 1979, pp. 693–737. (In Eng.)
34. Thronton J. Institutional and Structural Change in Pacific Russia. *Comparative Economic Studies*, vol. XLIII, no. 4 (Winter 2001), pp. 1–8. (In Eng.)
35. Woodruff D. *Money unmade: barter and the fate of Russian capitalism.* NY, Cornell University Press Publ., 1998, 228 p. (In Eng.)